

Иоанна Пиотровска
Научная, поведенческая и повествовательная
стратегии польского русиста

Относительно недавно увидели свет два документальных текста польских профессоров-русистов: в 2008 г. были опубликованы воспоминания «Rosja — nasza miłość» («Россия — наша любовь») Ренэ и Виктории Сливовских¹, а в 2012 г. вышло интервью Лешека Стрыхарского с Базилием Бялокозовичем под заголовком «W zgodzie z sumieniem» («В согласии с совестью»)². Указанные тексты примечательны, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, это «человеческие документы», представляющие взгляд польского специалиста на русистику; во-вторых, Сливовские и Бялокозович являются идеологическими оппонентами: в период Народной Польши Бялокозович был активным членом коммунистической партии, видным представителем «официальной» науки и «марксистско-ленинской» методологии³, в то время как Сливовские симпатизировали демократической оппозиции, а Ренэ Сливовский как переводчик и литературный критик уделял осо-

© Иоанна Пиотровска. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Śliwowsky, Wiktoria i René. *Rosja – nasza miłość*. Warszawa: Iskry, 2008.

² *W zgodzie z sumieniem*. Pod red. Jarosława Strycharskiego. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2012.

³ Показательно в этом плане, что в 1970–1980 гг., в период руководства Бялокозовичем Лабораторией восточнославянских литератур Польской академии наук «первостепенными стали идеологические представления и интерпретации литературы». Handke, Kwiryna. «Zarys dziejów Instytutu Slawistyki Polskiej Akademii Nauk» // *50 lat slawistyki w Polskiej Akademii Nauk (1954–2004)*. Księga jubileuszowa Instytutu Slawistyki PAN. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2004, s. 24–25. Все цитаты из польских текстов даются в нашем переводе.

бое внимание русским писателям, не поощрявшимся в Советском Союзе.

Знакомство с научными биографиями Ренэ Сливовского (1930—2015)⁴, Виктории Сливовской (род. 1931)⁵ и Базилия Бялокозовича (1932—2010)⁶ показывает, что, несмотря на существенные различия, в их судьбах немало общего. Все они в 1950-е гг. получали образование в Советском Союзе: Сливовские — в педагогическом институте им. А. И. Герцена (Ренэ Сливовский учился на филологическом, а Виктория Сливовская — на историческом факультете), Бялокозович обучался на историко-филологическом факультете Горьковского университета, а затем на филологическом факультете Ленинградского университета. Сливовский и Бялокозович работали в нынешнем Институте русистики Варшавского университета: Сливовский — с 1953 по 2006 гг.⁷, Бялокозович — с 1957 по 1973 гг. В период с 1973 по 1988 гг. Бялокозович был связан с

⁴ Подробнее см.: *Kto jest kim w Polsce. Informator biograficzny*. Ed. 3. Warszawa: Wydawnictwo Interpress, 1993, s. 729. Библиографию работ Сливовского см.: «Publikacje prof. René Śliwowskiego». Oprac. Anna Jędrzejkiewicz // *Dawni i Nowi. Szkice o literaturze rosyjskiej. Liber Amicorum. Tom jubileuszowy dedykowany profesorowi René Śliwowskiemu* (= *Studia Rossica XIV*). Pod red. nauk. Alicji Wołodźko-Butkiewicz. Przygot. redakcyjne Anna Jędrzejkiewicz. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2004, s. 25-35.

⁵ Подробнее см.: Brus, Anna, Filipowicz, Mirosław, Niebelski, Eugeniusz. «Profesor Wiktorii Śliwowska» // *Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Profesor Wiktorii Śliwowskiej*. Red. Eugeniusz Niebelski. Lublin – Warszawa: Wydawnictwo KUL; Instytut Historii PAN, 2008, s. 9-12; «Bibliografia publikacji Profesor Wiktorii Śliwowskiej». Oprac. Anna Brus // Там же, с. 13-30.

⁶ Подробнее см.: *Kto jest kim w Polsce. Informator biograficzny*. Ed. 3. Warszawa: Wydawnictwo Interpress, 1993, s. 48-49; *Współcześni uczeni polscy. Słownik biograficzny*. T. I. Warszawa: Ośrodek Przetwarzania Informacji, 1998, s. 103-104; *Współcześni sławiści polscy. Informator*. Red. nauk. Eliza Małek (Literaturoznawstwo–Folklorystyka), Małgorzata Korytkowska (Językoznawstwo). Kraków: Wydawnictwo Bohdan Grell i córka s.c., 2000, s. 15-17; *Kto jest kim w Polsce*. Ed. 4. Warszawa: Wydawnictwo Polskiej Agencji Informacyjnej S. A., 2001, s. 50; «Bibliografia Profesora zwyczajnego doktora habilitowanego Bazylego Białokozowicza». Oprac. Irena Rudziewicz // *W zgodzie z sumieniem*, s. 83-89. См. также специальный выпуск журнала «Acta Polono-Ruthenica» (№ 6, 2001), посвященный 70-летию юбилею Бялокозовича.

Институтом славяноведения Польской академии наук. В Институте истории ПАН всю жизнь — с 1958 по 2009 гг.⁸ — работала Виктория Сливовская. При этом если после падения коммунизма в Польше положение Сливовских радикально не изменилось, то Бялокозович в период активной декоммунизации был смещен со всех своих официальных должностей, а в 1992 г. Академию наук вынужден был сменить на провинциальный вуз в Ольштыне (сегодня это Варминьско-Мазурский университет)⁹. Все три профессора пользуются в Польше авто-

⁷ В 2000 г. Сливовский вышел на пенсию, но продолжал работать на полставки.

⁸ В 2009 г. Сливовская вышла на пенсию, но в дальнейшем сотрудничает с Институтом истории ПАН.

⁹ В мемуарном очерке Бялокозовича эти события представлены следующим образом: «В 1990–1992 годы, – рассказывает <Базилий Бялокозович – И. П.>, – в институте <имеется в виду Институт славяноведения Польской академии наук – И. П.> был грандиозный скандал. <...> Пришел Анджей Дравич <с 1991 г. – заведующий Отделом восточнославянских литератур Польской академии наук, видный представитель польской русистики после 1989 г., исследователь, популяризатор и переводчик русской литературы XX века, инициатор и редактор „Истории русской литературы XX века“ на польском языке, вышедшей в 1997 г., в год его скоропостижной смерти – И. П.> и включился в разрушительное движение. У него тогда были огромные политические возможности и он сыграл отрицательную роль в институте. Совет факультета <так в оригинале – И. П.> подписал решение об увольнении 35 человек, среди них и проф. Бялокозовича. – Ученый секретарь Академии наук, – вспоминает профессор <Базилий Бялокозович – И. П.>, – сказал мне: “Профессоров и хабилитированных докторов я не увольняю. Дравич не является профессором. Он сюда приходит и станет шефом института. В этой политической ситуации я не могу не принять Дравича. Если Вы хотите работать с Дравичем, оставайтесь”. Профессор Бялокозович ушел в Ольштын». *Bołtryk, Michał. «Pan Profesor» // Przegląd Prawosławny 2002, nr 5 (203), http://www.przeglądprawoslawny.pl/articles.php?code=issue&issue_nr=203&id=8 . Прямо противоположную оценку деятельности Б. Бялокозовича и А. Дравича в Польской академии наук дает Квирына Хандке. Так, например, о литературоведческих исследованиях, ведущихся под руководством Бялокозовича в 1970–1980 гг., она пишет: «В литературоведческих, особенно русистских, исследованиях все это время доминировала марксистская идеология, такой характер имело также большинство публикаций этой группы сотрудников института». *Handke, Kwi-ryna. «Zarys dziejów Instytutu Sławistyki Polskiej Akademii Nauk» // 50 lat sławistyki w Polskiej Akademii Nauk (1954–2004). Księga jubileuszowa Instytutu**

ритетом как специалисты в своих областях: Бялокозович — прежде всего по польско-русским литературным связям в XIX в.¹⁰, особенно по связям Льва Толстого с Польшей и поляками¹¹; Сликовский — в первую очередь по биографии и творчеству Антона Чехова¹², а также как переводчик русской литературы¹³; Сликовская — по истории России и Польши первой половины XIX в. (петрашевцы, Николай I, польские ссыльные в Российской Империи)¹⁴, она также является признанным публикатором и комментатором¹⁵. Укажем, что Сликовскими

Slawistyki PAN, s. 24-25.

¹⁰ См.: Białokozowicz, Bazyli. *Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971; Бялокозович, Базылий. *Родственность, преемственность, современность. О польско-русских и польско-советских литературных связях*. Сборник статей. Пер. с польск. Сост., общ. ред. и предисл. Виктора Хорева. Москва: Радуга, 1988.

¹¹ См.: Białokozowicz, Bazyli. *Lwa Tołstoja związki z Polską*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1966; Id. *Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj*. Białystok: Łuk, 1995; Id. *Z polskiej karty Lwa Tołstoja. Nowe i zapomniane o Tołstoju i jego percepcji w Polsce*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2003.

¹² См.: Śliwowski, René. *Antoni Czechow*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1965; *Czechow w oczach krytyki światowej*. Wyboru dokonał René Śliwowski. Warszawa: PIW, 1970; Śliwowski, René. *Antoni Czechow*. Warszawa: PIW, 1986.

¹³ Сликовский перевел рассказы и повести Антона Чехова, Федора Сокологуба, Валерия Брюсова и Андрея Платонова, а также роман «Генерал и его армия» Георгия Владимова.

¹⁴ См., например: Śliwowska, Wiktoria. *Sprawa Pietraszewców*. Warszawa: PWN, 1964; Ead. *Mikołaj I i jego czasy (1825–1855)*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1965; Ead. *W kręgu poprzedników Hercena*. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1971; Ead. *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny*. Warszawa: DIG, 1998; Ead. *Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno–Sybir–Wiatka–Warszawa*. Warszawa: DIG, 2000; Ead. *Uciezki z Sybiru*. Warszawa: Iskry, 2005 (русский перевод: Сликовская, Виктория. *Побеги из Сибири*. Пер. с польск. под ред. Виктора Хорева: Виктория Мочалова, Виктор Хорев, Елена Шиманская. СПб: Алетейя, 2014).

¹⁵ См., например: *Pamiętniki dekabrystów*. Т. 1–2. Warszawa: PIW, 1960; *Dzieci Holocaustu mówi...* Do druku przygot. Wiktoria Śliwowska. Posłowie Jerzy Ficowski. Warszawa: Stowarzyszenie Dzieci Holocaustu w Polsce, 1993; Staniszewski, Walerian. *Pamiętniki więźnia stanu i zesłańca*. Tekst do druku przygot. Adam Gałkowski i Wiktoria Śliwowska. Posłowie i przypisy W. Śliwowska. Warszawa: ISNS UW, 1994; *Czarny rok... czarne lata...* Oprac. i przypisami opatrzyła W. Śliwowska. Słowo wstępne Wiktorii Śliwowskiej i Katarzyny

были совместно выполнены различные переводы (например, Натан Эйдельман, «Лунин», «Грань веков»; Юрий Давыдов, «Глухая пора листопада»; Ольга Морозова, «Польский революционер-демократ Бронислав Шварце»)¹⁶, подготовлены к печати рукописи (особо отметим объемный — три тома — дневник Юлиана Сабиньского, одного из поляков, сосланных в Сибирь в первой половине XIX в.¹⁷), а также написаны многочисленные работы (среди них главное место занимают монографии, посвященные Александру Герцену¹⁸ и Андрею Платонову¹⁹).

Далее мы попытаемся рассмотреть в текстах Сливовских и Бялокозовича (фигур, на первый взгляд, антагонистических) особенности восприятия ими русистики и себя как русистов. Сразу же отметим, что интересующие нас тексты существенно отличаются. Объемные — более 500 страниц — воспоминания Сливовских, подготовленные к печати самими авторами, вышли в популярном польском издательстве «Iskry» и были рассчитаны на широкую аудиторию. История создания и публи-

Meloch. Słowo końcowe Mariana Turskiego. Warszawa: Stowarzyszenie Dzieci Holocaustu w Polsce, 1996; Starynkiewicz, Sokrates. *Dziennik 1887–1897*. Red. Aleksandra Lipska. Tłum. René Śliwowski. Przedm. Stanisław Konarski. Przypisy i indeks osobowy Anna Brus i Wiktoria Śliwowska. Warszawa: Muzeum Historyczne m. st. Warszawy, 2005; *Pan Puchatek. Rzecz o Wacławie Józefie Zawadzkim*. Do druku przygot. W. Śliwowska. Przypisy oprac. A. Brus i W. Śliwowska. Warszawa: Iskry, 2006; *Wystąpienie polskich katorżników na trakcie okołobajkalskim. Cztery relacje. Wilhelm Buszkat. Piotr Deręgowski. Adam Jastrzębski. Zygmunt Odrzywolski*. Do druku przygot. A. Brus i W. Śliwowska. Przedm. W. Śliwowska. Warszawa: DIG, 2007. Также следует отметить участие Сливовской в многотомных изданиях, в частности, в серии *Powstanie Styczniowe. Materiały i dokumenty* (25 т., Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961–1986).

¹⁶ Ejdelman, Natan. *Łunin – adiutant wielkiego księcia Konstantego*. Przeł. Wiktoria i René Śliwowsy. Warszawa: PIW, 1976; Id. *Paweł I czyli śmierć tyrana*. Przeł. W. i R. Śliwowsy. Warszawa: PIW, 1990; Dawydow, Jurij. *Czas głuchej jesieni*. Z ros. przeł. W. i R. Śliwowsy. Warszawa: Książka i Wiedza, 1977; Morozowa, Olga. *Bronisław Szwarce*. Przeł. W. i R. Śliwowsy. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1982.

¹⁷ Sabiniski, Julian Glaubicz. *Dziennik syberyjski*. T. I–III. Do druku z rękopisu przygotowali Wiktoria i René Śliwowsy. Przedm. i przypisami opatrzył Jan Trynkowski. Warszawa: Neriton; Instytut Historii PAN, 2009.

¹⁸ Śliwowsy, Wiktoria i René. *Aleksander Hercen*. Warszawa: PIW, 1973.

¹⁹ Śliwowsy, Wiktoria i René. *Andrzej Płatonow*. Warszawa: Czytelnik, 1983.

кации интервью (около 80 страниц — очень большой текст для этого журналистского жанра) необычны. Интервью «бразиль» на протяжении 4 лет, в период с 1999 по 2002 гг., «в доме Наталии и Лешека Стрыхарских, где часто гостил господин профессор»²⁰. Интервьюером Бялокозовича был упомянутый Лешек Стрыхарский — журналист и публицист (г. Ольштын), не известный широкой публике. Только в 2004 г. текст был подготовлен им к печати, но не опубликован. А в 2005 г. Стрыхарский умер. И лишь в 2012 г., после смерти обоих собеседников, интервью в виде отдельной книги было издано сыном Стрыхарского и младшим коллегой Бялокозовича по Варминьско-Мазурскому университету — Ярославом Стрыхарским. В отличие от воспоминаний Сливовских, книга была выпущена университетским Центром исследований Восточной Европы и, хотя ее тираж не указан, уже по издательству понятно, что она изначально не была рассчитана ни на коммерческий успех, ни на широкий круг читателей. Вероятнее всего, таким образом отдавался долг памяти.

Рассматриваемые нами тексты значительно отличаются также в жанровом плане. В случае книги Сливовских перед нами — традиционные воспоминания, характер которых определен самими авторами. В свою очередь в случае интервью существенную роль играет интервьюер, определяющий вопросами и репликами ход и характер разговора.

Несмотря на указанные различия, профессиональная общность Сливовских и Бялокозовича, а также определенная тематическая близость текстов дают основания для наблюдений сопоставительно-сравнительного характера.

Мемуары Сливовских по времени охватывают практически всю их жизнь, начиная с детства Ренэ Сливовского во Франции и Виктории Сливовской — в Варшаве (отметим невероятно жизнеутверждающий характер фрагментов о жизни В. Сливовской в гетто), затем обучение в Ленинграде, последующая научно-педагогическая деятельность Сливовского в университете, а Сливовской — в Академии наук, и заканчивая

²⁰ *W zgodzie z sumieniem*, s. 5. Здесь и далее мы опираемся на данные, указанные во введении.

участием в научных мероприятиях в Москве в начале XXI в. Доминанту в повествовании обозначили сами авторы: их мемуары «часто трогательные, а порой пресмешные»²¹. Повествование выдержано в разговорном, «домашнем» стиле с присутствием ему сочным языком, не чуждым нецензурной лексики. В целом характерная черта воспоминаний Сливовских — инвариантная неофициальность.

Показателен в этом плане уже заголовок, апеллирующий, по словам Сливовских, к фильму «Хиросима, любовь моя» (реж. Ален Рене, 1959)²². С одной стороны, заголовок «Россия — наша любовь» являет собой сознательный вызов русофобским настроениям в польском обществе, на что указывают сами мемуаристы²³. С другой стороны, он акцентирует сугубо личное отношение авторов к стране, людям, их истории и культуре, и тем самым — к своей научной работе, что постоянно подчеркивается Сливовскими: «В нашем отношении к <русским — И. П.> корифеям XIX и начала XX столетия всегда было что-то необыкновенно личное <...>. Когда мы писали массу рецензий, статей, отчетов, научных текстов для коллективных изданий, немало переводов, наконец, несколько книг, мы не только получали очередные ученые степени, но также нас все время сопровождало сознание великого счастья, какое выпало на нашу долю — работа приносила радость. Любить то, что делаешь в течение всей взрослой жизни, это великий дар»²⁴. Характерно в этом плане, что Сливовские избегают слова «профессия» и лишь единожды, объясняя свой вынужденный отказ от поездки в Псков²⁵, по пушкинским местам,

²¹ Śliwowski, *Rosja – nasza miłość*, s. 242.

²² См.: там же, с. 7.

²³ См.: там же.

²⁴ Там же, с. 482.

²⁵ Находясь в Москве в начале 1960-х гг., они не получили разрешения официальных властей на поездку в Псков (под предлогом якобы эпидемии холеры в городе).

отмечают: «Россия ведь была не только нашей любовью, но и профессией — мы не могли рисковать»²⁶»²⁷.

В воспоминаниях Сливовских нет разделения их жизни на сферу бытовую и сферу научную, профессиональную — научная работа представлена как часть их повседневного быта и бытия: «Мы, ясное дело, занимались сбором материалов для докторских и затем хабилитатских диссертаций, но происходило это как-то мимоходом. <...> Одновременно постоянно шло непрерывное обучение — мы поглощали все, что скрывалось от нас в университете и что могли теперь прочитать в наших и зарубежных библиотеках»²⁸. Характер отношения к своей работе предопределяет, с одной стороны, неприятие Сливовскими каких-либо карьерных устремлений (показателен в этом плане едкий «очерк» административной карьеры Базилия Бялокозовича, которой способствовала его политическая ангажированность). Ренэ Сливовский даже специально подчеркивает, что он сам «не занимал никаких должностей»²⁹, хотя в период с 1984 по 1987 гг. он был — ни много ни мало — директором Института русистики Варшавского университета, а с 1986 по 1992 гг. и ранее — в 1982—1984 гг. — заведующим кафедрой истории русской литературы. С другой стороны, соединение в жизни Сливовских бытового и профессионального обуславливает то, что в воспоминаниях научное погружено в юмор, шутки, анекдоты; бытовые сценки нередко соседствуют с фрагментами, представляющими собой, по сути, конспекты идей, воплотившиеся впоследствии, например, в научных рецензиях; в описаниях встреч, бесед, поездок попутно появ-

²⁶ В случае самовольной поездки в Псков им мог грозить пожизненный запрет на въезд в Советский Союз.

²⁷ Там же, с. 225.

²⁸ Там же, с. 221.

²⁹ Там же, с. 156.

ляются меткие замечания литературоведческого³⁰ и культурологического³¹ характера и т. п.

Однако, как это неоднократно подчеркивают сами мемуаристы, в центр повествования поставлены не они сами, но другие: «Нашим намерением является <...> написание не собственной биографии, но русских, с которыми мы имели счастье познакомиться в разных обстоятельствах»³² в Советском Союзе. Сразу отметим, что на протяжении всей своей жизни Сливовские общались с виднейшими русскими учеными (среди них — Юлиан Оксман, Юрий Лотман и Зара Минц, Роман Якобсон, Александр Панченко, Борис Егоров и многие другие). Мемуарный текст Сливовских содержит целый ряд «портретов»³³, зарисовок и эпизодов с участием единомыш-

³⁰ В качестве примера приведем впечатление Сливовских от первой встречи с Булатом Окуджавой, содержащее меткие наблюдения о его поэтике: «Разговор с ним <г. е. с Булатом Окуджавой – И. П.> это настоящее наслаждение. Он не словоохотливый, шутит редко, но метко. За столом он такой же, как в своих композициях: волшебное соединение лиризма и разнооттеночной, если так можно выразиться, иронии, нежности и непреклонности, искренности и смелости». Там же, с. 225.

³¹ Например, размышления, вызванные встречей с Евгением Евтушенко: «Однажды <...> я заметил здесь <в Центральном Доме литераторов, куда Сливовский с женой регулярно ходили в начале 1960-х гг., в период своего пребывания в Москве – И. П.> Евтушенко. Я уже собирался поклониться <ему – И. П.> в переходе, когда я услышал: „Пан Сливовский...“. Мы где-то там познакомились мимоходом, но у него <Евгения Евтушенко – И. П.> феноменальная память, причем не только на лица. И не у него одного. Я не припомню, чтобы на поэтических вечерах кто-либо читал – как у нас – свои и чужие стихотворения с листа. Это всегда заставляло меня задуматься. Откуда это берется? Может, – отвечал я самому себе, от того, что с незапамятных времен слово скрывало в себе опасность. Высказанное, особенно неосторожно записанное, могло навлечь несчастье. Сколько же стихотворений хранила надежная память? Пример – Мандельштам, поэзию которого без конца мысленно повторяла его замечательная жена... И не только она». Там же, с. 217.

³² Там же, с. 367.

³³ Из 15 глав 8 написаны именно как «портреты», на что указывают сами названия глав (например, «Юлиан Григорьевич Оксман и круг его друзей») или образующих их параграфов (главу «Тарту, или Дерпт» образуют параграфы «Юрий Михайлович Лотман и Зара Григорьевна Минц» и «Борис Федорович Егоров»).

ленников и оппонентов, как русских и поляков, так и западных славистов, причем друзьям отведено значительно больше места, чем противникам.

Знакомые исследователи представляются Сливовскими, как правило, в бытовых ситуациях, с юмором и симпатией. Так, например, портрет Оксмана таков: «Он <Юлиан Оксман — И. П.> постоянно стоит у нас перед глазами, как он сидит за письменным столом, заваленным бумагами, поднимает голову вверх и с прищуренными глазами отчетливо произносит слово: „Мерр-рр-за-а-вец!“ (со звонким „р“ и долго резонирующим „а“). *Поддон* (тоже „мерзавец“) такого звучания уже не имело. Это относилось ко многим удостоенным профессорскими званиями и многочисленными наградами представителям научной номенклатуры»³⁴. В подобном духе представлен Сливовскими Якобсон: «Потом появился в Варшаве Роман Якобсон, знаменитый Ромка <...>. Он всех сразу же очаровал и как ученый, и как необыкновенно симпатичный товарищ. В Казимеже, во время поедания собранных днем грибов, он <Роман Якобсон — И. П.> поглядывал на нашу очаровательную родственницу Янечку к явному раздражению Кристины³⁵; у него было жуткое косоглазие, но даже это придавало ему своеобразное обаяние. А потом мы пошли „на светлячков“ — их было множество — и продолжали рассказывать анекдоты <...>. Это были незабываемые моменты общения с человеком, который знал наших „героев“, замечательно читал

³⁴ Śliwowsky, *Rosja – nasza miłość*, s. 265. Укажем, что в воспоминаниях Сливовских не случайно так подробно представлена биография Юлиана Оксмана (мемуаристы включили в посвященную ему главу перевод на польский *curriculum vitae* ученого, по их словам, составленный им самим и переписанный ими у него дома). Напомним, что резкая критика Оксманом ангажированных исследователей была продиктована постигшей его тяжелейшей судьбой: по ложному доносу коллег по Академии наук в 1936 г. Оксман был арестован и в 1937 г. приговорен к пяти годам лагеря, а в 1941 г. – к следующим пяти годам. Отбыв сроки, он в дальнейшем преследовался за свою научную бескомпромиссность (в 1960-е гг. Оксман был исключен из Союза Писателей, что повлекло за собой фактический запрет на печать, и, по сути, изгнан из ИМЛИ).

³⁵ Кристина Поморская (Krystyna Pomorska (Pomorska-Jakobson); 1928–1986) – филолог-славист, с 1962 г. – жена Романа Якобсона.

их стихи, подражая их голосам и манере произношения отдельных стихов, особенно Велимира Хлебникова. По сегодняшнему дню у нас в ушах звучит: „У колодца расколется, так хотела бы вода...”³⁶,³⁷. Как видим, Сливовские стремятся воссоздать в первую очередь человеческий облик знаменитых коллег. В то же время приведенные фрагменты являют собой показательные примеры повествовательной манеры мемуаристов с характерной для нее непринужденностью, живостью, артистизмом. В этих «портретах» и подобного рода эпизодах отчетливо отразился писательский талант Сливовских и их многолетний опыт переводов художественной и мемуарной литературы.

При этом, описывая коллег, Сливовские уделяют существенное внимание личностным свойствам и качествам, особо отмечая мужество, честность, принципиальность, независимость (о Натане Эйдельмане: «Он всегда принадлежал к числу людей мужественных. В том, что он опубликовал на разные темы, не найдем ни одного слова лжи, ни одной уступки в пользу „контролеров”»³⁸), скромность и доброжелательность (о Жане Бонамуре: «<...> принадлежал к числу людей необыкновенно доброжелательных, скромных, держащих дистанцию между собой и работой, а также функциями, которые выполнял»³⁹), жизнелюбие (о Кристине Поморской: «Никогда не жаловалась и всегда избегала мартирологических рассказов»⁴⁰). Оценки человеческих свойств, даваемые Сливовскими, не менее, а даже более важны, чем профессиональные качества. Так, например, критика Ренэ Сливовским польского слависта,

³⁶ Стихи из стихотворения Велимира Хлебникова «Конь Пржевальского» (1912).

³⁷ Śliwowsy, *Rosja – nasza miłość*, s. 157-158.

³⁸ Там же, с. 293.

³⁹ Там же, с. 326.

⁴⁰ Там же, с. 157. Несмотря на непростую судьбу (семья Поморской была сослана в Казахстан, где будущая филолог-славист вынужденно провела детство), Поморская, по воспоминаниям Сливовских, представляла «казахский» период своей жизни, как правило, с юмором, более того – благодаря обучению в казахской школе выучила казахский язык, чем снискала симпатию казахов.

лингвиста Анатолия Мировича продиктована прежде всего тем, что он «с каким-то непостижимым удовлетворением доказывал свою правоту, демонстрировал свое превосходство»⁴¹. В свою очередь Жана Бонамура, по свидетельству мемуаристов, раскритикованного Оксманом за монографию о Грибоедове⁴², Сливовские защищают, потому что «монография, какой бы она ни была, служила для получения звания пресимпатичным и обладающим немалыми знаниями историком русской литературы», «премильным французским Иваном Добролюбовым⁴³»⁴⁴ (подчеркнем при этом, что случаи халтурности и недобросовестности мемуаристы откровенно и беспощадно критикуют⁴⁵). Из этих и ряда других характеристик вырисовывается некий человеческий тип, близкий самим мемуаристам⁴⁶.

⁴¹ Там же, с. 147.

⁴² Имеется в виду книга Бонамура «A. S. Griboedov et la vie littéraire de son temps» (Paris, 1965).

⁴³ Шутливое обыгрывание имени и фамилии Жана Бонамура в калькированном переводе на русский язык (фр. Jean – Иван, bon – добрый, amour – любовь).

⁴⁴ Śliwowsy, *Rosja – nasza miłość*, s. 326.

⁴⁵ Среди многочисленных примеров отметим довольно обстоятельную и резко критичную оценку работы Юлии Эйдельман как публикатора дневников мужа, Натана Эйдельмана (Юлия Эйдельман, «Дневники Натана Эйдельмана»): «Издание может служить образцом того, как нельзя публиковать чего-либо, что является документом, – никакие пропуски не обозначены, текст <дневников – И. П.> перемежается фрагментами из записок самой пани Юлии, а также ее комментариями, помещенными в квадратных скобках прямо в тексте дневника. Подбор объяснений абсолютно произвольный, так же как и список фамилий, который должен заменить указатель, однако, в нем не указаны страницы; многих фамилий людей, прекрасно известных Мадоре <девичья фамилия Юлии Эйдельман – И. П.>, она не посчитала уместным указать» и т. д. Там же, с. 290.

⁴⁶ Ср. характеристику Сливовской, данную ее коллегами: «Необыкновенно скромная, деликатная, когда надо, толерантная, снисходительная и мягкая (скорее по отношению к ближним, чем к самой себе), заботливая и доброжелательно настроенная к младшим коллегам-историкам, <Виктория Сливовская – И. П.> может, однако, в одно мгновение превратиться в, скажем, грозную львицу, когда столкнется с подлостью, несправедливостью, беспринципностью, научной недобросовестностью или политической наглостью, и иногда – горе тем, кого это касается – дать этому пуб-

Другой характер имеет интервью, которое, как мы указывали, Базилий Бялокозович дал знакомому журналисту Лешке Стрыхарскому. Отметим, что собственно текст интервью снабжен введением публикатора, а также подробной биографической справкой о Бялокозовиче и библиографией его работ. Такая внешняя композиция придает публикации некоторую официальность.

Относительно самого интервью изначально следует подчеркнуть, что журналиста интересует взгляд Бялокозовича не только на собственную жизнь, но также на ряд разнообразных, зачастую — актуальных, вопросов политического, общественного, идеологического и т. п. характера. Укажем только некоторые из них: польско-российские отношения; внешняя политика Польши в целом и в отношении России, Беларуси и Украины в частности; взаимоотношения между католической и православной Церквями; социализм и капитализм; высшее образование в современной Польше. Некоторые из этих вопросов попутно затрагиваются также Сливовскими, но в их воспоминаниях доминирует другой стиль. Здесь же указанные проблемы сформулированы более четко. В результате в интервью, в отличие от воспоминаний Сливовских, преобладает внимание к событиям после 1989 г., т. е. после падения коммунизма в Польше, а само интервью имеет явно выраженный публицистический характер.

На значимость для интервью темы польской русистики в целом и судеб польских русистов в частности указывает уже эпиграф, в качестве которого использованы слова историка Анджея Андрусевича: «Он <Базилий Бялокозович — И. П.> является аутентичным ученым и настоящим гуманитарием. Его исследовательская работа шла и идет рука об руку с рефлексией над организацией научной жизни, университетского преподавания и общественной жизни. Я не погрешу против правил вежливости, которой никто не заслуживает более, чем этот выдающийся ученый, если напомним о подлостях, кото-

личное выражение». Brus, Anna, Filipowicz, Mirosław, Niebelski, Eugeniusz. «Profesor Wiktorii Śliwowska» // *Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Profesor Wiktorii Śliwowskiej*, s. 12.

рые он испытал со стороны политических безумцев и неучей»⁴⁷.

Вопрос о травле человека идеологическими оппонентами и открывает интервью:

«Лешек Стрыхарский: Господин профессор, Вы сказали, что иногда выдвигаются обвинения, единственная цель которых — дискредитировать, уничтожить оппонента.

Базилий Бялокозович: Это правда. Бывают обвинения, которые, в сущности, отвести невозможно. Достаточно малейшего подозрения в национализме... <...>

ЛС: А обвинение в сталинизме?

ББ: Наихудшее из возможных, отождествляемое с кровавой коммунистической диктатурой. <...>

ЛС: <...> Ведь не секрет, что обвинение в сталинизме выдвигалось также в Ваш адрес.

ББ: Меня обвиняли во всех возможных грехах.

ЛС: Грехах? Попробуем их перечислить. Вы были членом Национального совета по культуре, заместителем ученого секретаря Польско-советской комиссии Польской академии наук и Академии наук СССР по вопросам сотрудничества в области общественных наук, представителем Польской академии наук в Литературоведческой комиссии по проблемам научного сотрудничества академий наук социалистических стран, главным редактором „Slavia Orientalis”, вице-президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, основателем и первым председателем Польского общества русистов, членом редколлегии нескольких славистических журналов и сотрудником многих научных комитетов.

ББ: Кажется, список моих провинностей против капиталистической демократии можно пополнять до бесконечности. <...>

ЛС: Прозвучало иронично.

⁴⁷ W zgodzie z sumieniem, s. 2. Это цитата из рецензии Анджея Андрусевича. См.: Andrusiewicz, Andrzej. «Acta Polono-Ruthenica. Red. tomu W. Piłat. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, tom VI, Olsztyn 2001, ss. 502» // Polska i jej wschodni sąsiedzi. T. 3. Pod red. Andrzeja Andrusiewicza. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2003, s. 257.

ББ: Увы, таковы реалии, политическая конъюнктура...»⁴⁸.

Сразу бросается в глаза, что Стрыхарский берет на себя функцию защитника Бялокозовича как фигуры, влиятельной в русистике периода Народной Польши, неоднократно поворачивая разговор и формулируя свои вопросы и реплики таким образом, чтобы подчеркнуть бесосновательность обвинений, выдвигаемых его оппонентами. Сам Бялокозович, как видно по приведенному фрагменту, об оппонентах, равно как и о себе самом, высказывается в самых общих чертах.

Отвечая на вопросы, касающиеся польской русистики, Бялокозович выступает в качестве ее видного представителя в период Народной Польши (очень показательное признание: «<...> отдаю себе отчет в том, что мир меняется. <...> На многие вопросы смотрю сегодня по-другому. Это, однако, не означает, что я забыл, откуда я родом, что образованием, положением в научном мире я в большой степени обязан — прошу прощения за это определение — народной власти»⁴⁹). Этим обусловлено естественное стремление подчеркнуть достижения русистики в означенный период, доказать небесполезность работ, в том числе написанных «с марксистско-ленинских позиций»⁵⁰, защитить видных представителей советского литературоведения.

Такая перспектива во многом определяет представление Бялокозовичем себя как русиста. Так, свою административную и общественную работу он рассматривает как важную обязанность человека науки: «<...> все почетные функции, которые мне в жизни приходилось исполнять, не были связаны с какими-то высокими жалованиями. Зато они отнимали много времени и энергии, были логическим продолжением моих интересов и научно-исследовательской работы»⁵¹. Заметные

⁴⁸ *W zgodzie z sumieniem*, s. 7-8.

⁴⁹ Там же, с. 9. При публикации на с. 9 все вопросы и реплики Стрыхарского были приписаны Бялокозовичу и наоборот – все высказывания Бялокозовича были приписаны Стрыхарскому. Здесь и далее мы даем правильный вариант.

⁵⁰ *W zgodzie z sumieniem*, s. 22.

⁵¹ Там же, с. 50.

уже по этому небольшому отрывку официальность и приподнятый стиль — характерные черты Бялокозовича в тексте Стрыхарского (Стрыхарских). Даже его крайне редкие упоминания о личной жизни выдержаны в официальном, казенном стиле: «Я говорил, что происхожу из крестьянской семьи. Я пришел на этот свет в Видове, в предместье города Бельск-Подляски, где закончил школу начальную и среднюю. Так обычно я начинаю свою автобиографию»⁵². Но следует при этом отметить, что Бялокозович не лишен самоиронии. Он, например, несколько раз сетует по поводу того, что в устной беседе интервьюер может позволить себе не сопровождать цитаты подробным библиографическим описанием:

«АС: <...> Пусть господин профессор извинит меня за то, что не привожу подробного библиографического описания...

ББ: С болью в сердце, потому что так просто нельзя!»⁵³.

Говоря о своей научной деятельности, Бялокозович освещает интересующие его сферы, но при этом особенно подчеркивает свою последовательность, верность своим взглядам и установкам («Я не вижу потребности изменения „оптики“»⁵⁴; «Я также не чувствую потребности, тем более необходимости, продаваться как, как... уличная девка»⁵⁵), и противопоставляет себя, с одной стороны, функционерам от науки, с другой — людям безыдейным, конъюнктурным: «Оказалось <после 1989 г. — И. П.> <...>, что многие, очень многие представители научного мира вдруг изменили мировоззрение. Можно сказать, что раньше они провозглашали истины, с которыми не были согласны»⁵⁶; «Славистика, и прежде всего русистика, была и остается наиболее привлекательной целью для массивных атак всякого рода „исправителей“. В результате, так сказать, в правила хорошего тона входит приспособление своей точки зрения к актуальным потребностям»⁵⁷. Характерно

⁵² Там же, с. 12.

⁵³ Там же, с. 26.

⁵⁴ Там же, с. 31.

⁵⁵ Там же, с. 50.

⁵⁶ Там же, с. 9.

⁵⁷ Там же, с. 31.

при этом, что Бялокозович отказывается называть фамилии критикуемых фигур. Любопытно, что заметная в его высказываниях приверженность к дискурсу Народной Польши сочетается с постоянной иронией над формулировками, типичными, например, для публицистики этого времени («заклятый, беспощадный враг капитализма теперь поет дифирамбы в честь либерализма и рыночной экономики»⁵⁸ и т. п.).

Таким образом, в воспоминаниях Сливовских и в интервью Бялокозовича отражены две основные поведенческие стратегии первого поколения польских русистов, обусловленные сложным комплексом самых разных факторов, начиная с их происхождения и заканчивая их индивидуальными свойствами и качествами. С одной стороны, это — стремление сохранить независимость в самом широком смысле (в научном плане — прежде всего в отборе авторов, тем и проблем для изучения), а с другой стороны, — сознательная ангажированность, которая определяла следование в научной работе актуальным в определенное время установкам. При этом, несмотря на очевидное внешнее противостояние Сливовских и Бялокозовича, ярко заметное также по их различным повествовательным манерам, между ними все же имеется нечто общее. Это, в первую очередь, отношение к предмету научного интереса, которое у них абсолютно совпадает. И те и другие понимают универсальную ценность русской литературы и культуры в целом, независимо от преходящих мод и политической ситуации, а также живо заинтересованы в ее научном познании и популяризации в Польше (например, Бялокозович выступает горячим сторонником усиления сотрудничества между российскими и польскими филологическими центрами, а Сливовские думают о том, как повысить интерес поляков к переводам русской литературы).

⁵⁸ Там же, с. 9.